

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.09.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.10.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-9-590-596

ЛАТЫНИН Артем Олегович,
соискатель кафедры гражданского права,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
e-mail: LAO-workmail@yandex.ru

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВЫХ СТАНДАРТОВ ОБРАБОТКИ ДАННЫХ НА РЕАЛИЗАЦИЮ ВОЛИ СТОРОН В ДОГОВОРЕ

Аннотация. В статье рассматривается проблема адаптации принципа свободы договора к условиям цифровой экономики, в которых автоматизированные стандарты обработки данных становятся важным фактором заключения и исполнения сделок, а также выявляются особенности влияния цифровых технологий на реализацию воли участников гражданского оборота. Проанализированы изменения в российском законодательстве (включая положения о цифровых правах и электронных сделках) и научные подходы к новым формам заключения договоров, основанным на использовании электронных и иных технических средств, позволяющих дистанционно выражать волю сторон. Установлено, что цифровые стандарты, такие как типовые веб-интерфейсы для акцепта (соглашения по клику) и алгоритмические смарт-контракты, с одной стороны, расширяют возможности сторон свободно вступать в договорные отношения, ускоряя и упрощая процесс заключения договора, а с другой стороны, создают риски несоответствия подлинной воли волеизъявлению из-за технических ограничений и регламентированности процедур. Сделан вывод о необходимости совершенствования правового регулирования с целью обеспечения баланса между эффективностью цифровых решений и автономией воли сторон, а также о важности защиты слабой стороны и устранения неопределённости, связанной с использованием новых технологий при заключении и исполнении договоров.

Ключевые слова: свобода договора, автономия воли, цифровые стандарты, электронная форма сделки, цифровое волеизъявление, смарт-контракт, цифровизация.

LATYNIN Artem Olegovich,
Candidate of the Department of Civil Law,
Kazan (Volga Region) Federal University

THE IMPACT OF DIGITAL DATA PROCESSING STANDARDS ON THE IMPLEMENTATION OF THE PARTIES' WILL IN THE CONTRACT

Annotation. The article examines the problem of adapting the principle of freedom of contract to the conditions of the digital economy, in which automated data processing standards become an important factor in concluding and executing transactions, and also identifies the peculiarities of the influence of digital technologies on the realization of the will of participants in civil turnover. The article analyzes changes in Russian legislation (including provisions on digital rights and electronic transactions) and scientific approaches to new forms of concluding contracts based on the use of electronic and other technical means that allow remote expression of the will of the parties. It has been established that digital standards, such as standard web interfaces for acceptance (click-through agreements) and algorithmic smart contracts, on the one hand, expand the parties' ability to freely enter into contractual relations, speeding up and simplifying the process of concluding a contract, and on the other hand, create risks of non-compliance with genuine free expression of will due to technical limitations and regulated procedures. The conclusion is made about the need to improve legal regulation in order to ensure a balance between the effectiveness of digital solutions and the autonomy of the will of the parties, as well as the importance of protecting the weak side and eliminating the uncertainty associated with the use of new technologies in the conclusion and execution of contracts.

Key words: freedom of contract, autonomy of will, digital standards, electronic form of transaction, digital expression of will, smart contract, digitalization.

Введение

В условиях стремительно набирающей обороты цифровизации экономических процессов, когда практически каждое действие пользователя в онлайн-пространстве, будь то нажатие на функциональную кнопку веб-интерфейса или простое продолжение пользования электронным сервисом, влечёт за собой юридически значимые последствия, предопределённые алгоритмически закреплёнными правилами функционирования соответствующих информационных систем [3, с. 255], всё чаще ставится под сомнение вопрос о том, в какой степени подобное волеизъявление действительно выражает автономию воли сторон, а не является результатом технологически запрограммированного выбора, инициированного внешними цифровыми структурами. Именно поэтому в научной и правоприменительной плоскости всё более актуальной становится проблема определения границ допустимости и юридической значимости такого рода согласий, инициируемых посредством интерактивного интерфейса, что, в свою очередь, напрямую затрагивает вопрос соответствия подобных форм договорного взаимодействия основополагающим принципам частного правового регулирования, прежде всего принципу свободы договора, обеспечивающему реализацию интересов сторон как в материальном, так и в процессуальном выражении.

На актуальность данной проблематики указывает и тот факт, что при оформлении соглашений в электронной форме без реального диалога или переговорного процесса могут быть нарушены права и законные интересы участников цифровых правоотношений, особенно в тех случаях, когда предполагаемое согласие оформляется с помощью формализованных актов (например, автоматического продолжения использования сайта) без надлежащего осознания сторонами юридических последствий [5, с. 56].

В отечественной правовой доктрине всё отчетливее прослеживается тенденция к признанию так называемых «клик-контрактов» – соглашений, заключённых посредством активации электронных элементов на интернет-ресурсах, в качестве формализованного проявления дистанционной формы заключения договора [5, с. 55]. При этом данная форма, по мнению ряда исследователей, демонстрирует не только процедурную трансформацию, но и содержательное переосмысление принципа свободы договора под воздействием технологических реалий цифрового общества [5, с. 55].

Параллельно с доктринальными дискуссиями в законодательстве Российской Федерации происходят изменения: в частности, с 1 октября 2019 года в Гражданский кодекс РФ были внесены

изменения, согласно которым дистанционное волеизъявление, осуществлённое с помощью электронных или иных технических средств, приравнивается к совершению сделки в письменной форме при условии обеспечения возможности фиксации содержания соглашения на материальном носителе и достоверной идентификации субъекта, инициировавшего данное волеизъявление [6, с. 188].

Таким образом, как научное сообщество, обеспокоенное рисками утраты частноправовой автономии в условиях алгоритмического принуждения, так и российский законодатель, стремящийся адаптировать правовую систему к условиям цифровой среды, сосредотачивают внимание на изучении того, в какой степени стандартизированные цифровые протоколы, начиная с пользовательских интерфейсов и заканчивая встроенными алгоритмами обработки персональных данных, влияют на процесс заключения договоров и формирование обязательственного содержания отношений между сторонами, что, в свою очередь, и определяет предметную направленность настоящего исследования.

Целью данной научной работы является комплексный анализ влияния цифровых стандартов обработки данных на реализацию воли сторон при заключении и исполнении договорных обязательств. В качестве исследовательских задач были обозначены следующие: систематизировать современные формы электронного заключения договоров, выявить правовые и технико-юридические проблемы, возникающие при их применении, и наметить пути нормативного и доктринального совершенствования действующего регулирования с учётом зарубежного и отечественного опыта.

В методологическом аспекте исследование опирается на совокупность общенаучных и специальных подходов, включая формально-юридический анализ норм действующего законодательства, сравнительно-правовой метод, применяемый при изучении правовых конструкций, системный и аксиологический подходы, позволяющие интерпретировать положения доктринальных источников в их функциональной связи с развитием цифровых механизмов и практик.

Цифровая среда и свобода договорных отношений

Цифровизация общественных отношений, охватывая всё более широкие сферы частного правового взаимодействия, с одной стороны, способствует институциональному расширению способов заключения договоров посредством удалённых коммуникаций, позволяющих сторонам вступать в обязательственные правоотношения без физического присутствия и территориальной при-

вязки, что обеспечивает существенную экономию времени и транзакционных издержек, а с другой – порождает новые вызовы для реализации принципа свободы договора и действительного волеизъявления участников, поскольку стандартизированные интерфейсы и унифицированные алгоритмы цифровых платформ нередко ограничивают пространство индивидуального усмотрения, превращая согласие одной из сторон, как правило потребителя, в формальное принятие заранее установленных условий, оформленных в виде публичной оферты или договора присоединения [8, с. 4].

Такое изменение архитектуры договорного процесса, как подчёркивается в юридической литературе, обусловлено не только техническими возможностями цифровой среды, но и институциональной логикой её построения, при которой инициатива в определении условий принадлежит разработчику или владельцу цифровой платформы, в то время как вторая сторона, не располагая возможностью согласования положений договора, вынуждена выбирать между акцептом в предложенной форме и отказом от участия в сделке, что трансформирует саму суть договорной автономии, смещая акцент с равноправного согласования на одностороннюю формализацию [1, с. 124].

В этом контексте правовое регулирование электронных сделок требует переосмысления

ряда традиционных положений, поскольку если ранее действительность письменной формы связывалась с собственноручным подписанием документа на бумажном носителе, то в современных условиях юридическое значение приобретают действия в электронной среде, включая нажатие кнопки, заполнение формы или отправку сообщения, которые, при соблюдении установленных законом технических параметров, признаются равнозначными письменной форме сделки в соответствии с действующим гражданским законодательством Российской Федерации. Следовательно, цифровое пространство функционирует как новая правовая плоскость реализации договорной свободы, в которой базовые принципы – такие как свобода выбора контрагента, свобода согласования условий и свобода заключения сделки, сохраняют свою актуальность, однако должны применяться с учётом технологических особенностей, при этом сами цифровые инновации не подрывают правовую основу гражданского оборота, а напротив – усиливают значимость фундаментальных начал, включая добросовестность и автономию воли, которые в условиях дефицита специальных норм выполняют компенсаторную и направляющую функцию [7, с. 3]. В связи с этим далее рассматриваются конкретные формы реализации воли сторон с применением цифровых стандартов и связанные с ними правовые проблемы.

Таблица 1. Основные формы электронного заключения договоров и их характеристики

Форма	Юридическое значение и детали
Электронный документ с ЭП (договор, расписка, файл с подписью электронной подписью)	При использовании усиленной квалифицированной электронной подписи (УКЭП) соответствует письменной форме сделки (ст. 160, 434, 434.1 ГК РФ; ст. 6, 9 ФЗ от 06.04.2011 № 63-ФЗ). Обеспечивает идентификацию и аутентификацию подписавшего лица с помощью сертификата, криптографии, лог-файлов. Используется в ЭДО и при обмене сканами по электронной почте. Имеет высокую доказательную силу в суде при наличии электронной цифровой подписи, целостности документа и подтверждённой доставки. Неквалифицированная электронная подпись требует дополнительных доказательств полномочий и согласия.
Электронная переписка (электронная почта, мессенджеры)	Признаётся заключением договора при наличии согласия по всем существенным условиям и идентификации отправителя (ст. 434, 438 ГК РФ). Требуется фиксация времени и автора: заголовки писем, IP-адреса, логины, домены. Суд оценивает как доказательство при наличии контекста сделки и фактического исполнения. Рекомендуются последующее подписание единого документа. Не заменяет письменную форму, если закон требует электронной подписи или нотариального удостоверения.
Веб-интерфейс (соглашение о кликах)	Квалифицируется как договор присоединения и акцепт оферты путем конклюдентного действия (ст. 428, 438 ГК РФ). Признаётся заключённым при наличии отметки «Согласен» и документально подтверждённой возможности предварительного ознакомления с условиями (лог-файлы, IP-адрес, дата и время согласия). Требуется доказуемый доступ к полному тексту договора. Судебная практика требует проверки факта ознакомления (Определение ВС РФ № 309-ЭС19-23571 от 09.06.2020). В случае нарушения существует риск оспаривания по причине введения в заблуждение или несправедливости условий.

Смарт-контракт (код в блокчейне)	Не является самостоятельной сделкой, а признается формой автоматизированного исполнения условий (Письмо Минцифры РФ от 22.08.2022 № ЛЦ-03-20-015449). Идентификация – по открытым ключам, требует верификации сторон вне блокчейна. Код нельзя изменить или отменить без заранее запрограммированных условий. Не учитывает изменение воли сторон, ошибки неустраняемы. Юридическое значение – при наличии иного договора, подтверждающего волеизъявление, или комплексной системы аутентификации. В спорах – требуется техническая экспертиза и соотнесение с нормами об обязательствах [2, с. 1028].
----------------------------------	---

Формы электронного заключения договоров, представленные в таблице 1, охватывают наиболее применимые на практике механизмы фиксации волеизъявления сторон в цифровой среде, однако, несмотря на технологическое удобство и широкое распространение таких форм, юридическая действительность соответствующих соглашений обеспечивается лишь при соблюдении предусмотренных российским законодательством условий, к числу которых относятся возможность сохранить неизменный текст сделки и достоверно идентифицировать лицо, совершившее волеизъявление [4, с. 137], тогда как невыполнение хотя бы одного из указанных критериев – в частности, при отсутствии явного подтверждения согласия с условиями, выраженного в форме клика или электронной подписи, может повлечь признание договора незаключённым или недействительным, что особенно актуально в случаях, когда пользователь не был прямо уведомлён о наличии и содержании условий, а стандартность процедур, используемых в цифровой среде, налагает на иницилирующую сторону обязанность обеспечить не только техническую прозрачность, но и юридическую определённую процессу выражения воли.

Автоматизация и исполнение договора: влияние алгоритмов на волю сторон

Технологическое развитие не только трансформировало способы заключения договоров, но и привело к институционализации нового качества исполнения обязательств – полностью автоматизированного, основанного на программно закреплённых условиях, что вызывает юридические и экономические вопросы относительно сохранения автономии воли сторон на стадии исполнения, поскольку в случае смарт-контрактов, функционирующих в децентрализованных реестрах, предусмотренных, например, блокчейн-платформами, воля сторон фиксируется в программном коде окончательно и не подлежит односторонней или двусторонней корректировке после активации кода, вследствие чего любые последующие изменения намерений или обстоятельств оказываются юридически незначимыми, а исполнение происходит автоматически при наступлении запрограмми-

рованных условий [2, с. 1029], что радикально отличает алгоритмическое исполнение от классической модели, допускающей изменение соглашения на основании новых договорённостей или существенных изменений экономической ситуации.

В то же время перевод человеческой воли и экономических ожиданий на язык программных условий сопряжён с риском расхождения между фактическим волеизъявлением сторон и результатами автоматизированного исполнения, поскольку любая неточность, двусмысленность или техническая ошибка в формулировке кода может привести к имущественным потерям, возникновению экономически необоснованных последствий, к юридическим конфликтам по поводу действительного объёма и содержания согласованных условий [2, с. 1029]. Судебная и арбитражная практика, не располагая специальными процессуальными инструментами, в подобных ситуациях вынуждена руководствоваться общими началами гражданского права, такими как принцип добросовестности, аналогия института существенного заблуждения или технической ошибки, позволяющие признавать сделки недействительными или пересматривать последствия исполнения смарт-контракта в случае доказательства несоответствия между реальной волей сторон и содержанием автоматизированного исполнения, что особенно важно при рассмотрении споров, связанных с экономическим ущербом или нарушением баланса обязательств.

В этих условиях растущая автоматизация, с одной стороны, сводит к минимуму риски, связанные с человеческим фактором, злоупотреблениями, невыполнением обязательств или недобросовестным уклонением от их исполнения, а в экономической сфере способствует снижению транзакционных издержек и обеспечивает выполнение договорных условий с предельной точностью и скоростью, например в онлайн-торговле, где смарт-контракты гарантируют одновременную передачу цифрового актива и оплату, тем самым укрепляя принцип обязательности договора и повышая уровень исполнения обязательств.

Однако снижение гибкости вносит новые требования к квалификации разработчиков и юри-

стов, поскольку задача состоит в обеспечении того, чтобы алгоритмические стандарты обработки данных не только отражали технические параметры сделки, но и надёжно фиксировали экономическую и правовую волю сторон, что, в перспективе, требует как вовлечения профессиональных специалистов при формализации условий смарт-контракта, так и, возможно, появления специальных норм в законе о цифровых финансовых активах и регулировании цифровой инфраструктуры, направленных на устранение рисков механистического исполнения в ущерб справедливости или экономической целесообразности, на достижение баланса между predetermined-

стью исполнения и возможностью учёта действительных интересов сторон, если они не были в полной мере отражены в программном обеспечении.

Проблемные аспекты реализации воли сторон

в цифровых договорах

Несмотря на формальное признание законодателем юридической силы электронных волеизъявлений, ряд проблем свидетельствует о том, что реализация воли сторон в цифровой среде сопряжена со специфическими рисками и требует дополнительных гарантий (таблица 2).

Таблица 2. Влияние цифровизации на реализацию воли сторон: преимущества и риски

Аспект реализации воли	Положительное влияние цифровых стандартов	Риски и негативные последствия
Доступность и удобство заключения	– возможность заключения договора в любой момент и из любого места; – упрощение и ускорение процедуры оформления за счёт типовых электронных решений; – снижение транзакционных издержек; – актуальность для электронной коммерции.	– заключение сделки в спешке, без анализа всех условий; – интерфейс «по клику» способствует неосознанному волеизъявлению; – простота процедуры облегчает навязывание условий сильной стороной; – у слабой стороны часто нет ресурсов для критической оценки условий.
Свобода воли при формировании условий	– интеллектуальные алгоритмы и фильтры расширяют возможности персонализации; – потенциал автоматизированного подбора оптимальных условий; – возможность быстрой адаптации договора под потребности сторон.	– пользователь ограничен программными опциями провайдера; – стандартные условия, не подлежащие изменению; – фактическая свобода сводится к выбору «принять или отказаться»; – алгоритмы и интерфейсы могут манипулировать выбором пользователя.
Исполнение обязательств	– автоматизация (включая смарт-контракты) гарантирует точность и своевременность исполнения; – исключается умышленное уклонение от исполнения; – повышается стабильность оборота за счёт неизбежности результата.	– алгоритмы не учитывают изменение воли или обстоятельств после заключения сделки; – нет механизма корректировки условий без расторжения сделки; – технические ошибки могут привести к необратимым последствиям; – возврат средств или остановка автоматического исполнения затруднены.
Доказательство и оформление завещания	– подробная фиксация всех действий (логи, блокчейн, электронные журналы); – объективные цифровые данные облегчают доказывание фактов; – улучшение защиты добросовестной стороны в споре.	– риски утраты, искажения или подделки цифровых данных; – техническая сложность оценки доказательств для суда; – ограниченный срок хранения данных; – недостаточная цифровая компетентность участников процесса;

Защита интересов слабой стороны	– прозрачность условий благодаря рейтингам, отзывам и автоматическим уведомлениям; – технологии позволяют автоматически выявлять несправедливые условия; – возможность внедрения стандартов обязательного информирования.	– возможность оспаривания подлинности данных; – сохраняющееся цифровое и информационное неравенство; – монополия платформ ограничивает свободу выбора; – пользователи часто принимают условия без попыток их оспорить; – императивные нормы защиты прав потребителей формально действуют, но их реальная реализация затруднена.
---------------------------------	---	---

Таким образом, цифровизация договорных отношений, с одной стороны, обеспечивает высокую скорость, удобство, глобальную доступность и автоматизацию сделок, существенно повышая экономическую эффективность гражданского оборота, а с другой – предъявляет новые требования к правовым механизмам защиты подлинности и добровольности волеизъявления сторон, поскольку главные риски связаны с утратой индивидуального усмотрения, формализацией согласия и возможными техническими ошибками или злоупотреблениями, что требует совершенствования законодательства и внедрения технологических стандартов с верифицируемым подтверждением согласия, надёжной идентификацией и механизмами вмешательства при очевидной ошибке или чрезвычайных обстоятельствах, гибких судебных подходов, ориентированных на защиту слабой стороны и предотвращение превращения свободы договора в формальную процедуру, в результате чего, несмотря на технологический прогресс, именно подлинная воля участников должна оставаться приоритетной юридической ценностью и критерием действительности цифровых сделок.

Заключение

Современное состояние договорного права свидетельствует о переходе от нормативно-центричной парадигмы к функционально-цифровой модели регулирования, в рамках которой юридическая эффективность утрачивает зависимость от традиционной догматической формы и всё в большей степени определяется способностью правовых механизмов интегрироваться в алгоритмизированные контексты цифрового взаимодействия, обеспечивая сопряжение между человеческим волеизъявлением и машинно-программной средой, в том числе при условии его косвенного, имплицитного или фрагментированного выражения в интерфейсах и протоколах цифровой архитектуры. В подобных условиях договор утрачивает признаки исключительно правового акта и всё

более приближается к статусу цифрового артефакта, формализованного в виде набора технических инструкций, заранее встроенных в замкнутую систему исполнения, где юридически значимые действия сторон оказываются предварительно закодированными и реализуемыми независимо от их последующего поведения, что требует от права не столько сохранения охранительных моделей, сколько институциональной проектной способности формировать справедливые условия взаимодействия в рамках предзаданной цифровой среды.

Именно поэтому вектор современных исследований в области частного права всё более смещается от анализа соотношения традиционных принципов и новых форм электронных сделок к переосмыслению самой категории воли как правового инструмента, который в условиях цифрового взаимодействия перестаёт быть исключительно внутренним решением субъекта и всё чаще оказывается формализованным в виде цифровой активности, заключающейся в действиях, программно интерпретируемых как согласие, акцепт или исполнение, в результате чего традиционное различие между волей и волеизъявлением требует методологической ревизии. В таких условиях становится необходимым теоретическое и нормативное уточнение объёма допустимой алгоритмизации частноправовых процедур, поскольку при чрезмерной стандартизации исчезает пространство автономного волеопределения, а право начинает обслуживать не свободу, а техническую эффективность, что подрывает его функцию как гарантии равновесия интересов сторон.

В связи с этим задача правового регулирования должна заключаться не только в адаптации законодательства к реалиям цифровизации, но и в обеспечении гарантированного механизма восстановления или корректировки волеизъявления в случае технологической ошибки, введения в заблуждение либо утраты контроля над процессом исполнения, что предполагает комплексную

модернизацию нормативной базы, включая уточнение процедур заключения электронных договоров, создание специальных правил для ревизии смарт-контрактов, институционализацию цифровой идентификации и развитие стандартов добросовестного цифрового поведения, при этом усилия в сфере правового регулирования должны сопровождаться ростом цифровой правовой грамотности всех участников оборота, поскольку только в этом случае принцип свободы договора сможет сохранить свою актуальность как структурный элемент справедливого частного права, адаптированного к эпохе программируемых решений.

Список литературы:

- [1] Болдырев В.А., Максимов В.А. Свобода договора: эволюция правового принципа в эпоху информатизации // *Правоприменение*. – 2025. – Т. 9. – № 2. – С. 118-129.
- [2] Варбанова Г. Правовая природа смарт-контрактов: договор или программный код? // *Журнал цифровых технологий и права*. – 2023. – Т. 7. – № 4. – С. 1028-1041.
- [3] Волос А.А. Свобода договора и её пределы в цифровой среде // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. – 2024. – № 2(64). – С. 254-273.
- [4] Кузнецова С.С. Актуальные вопросы реализации и защиты прав человека в практике применения технологии смарт-контракта // *Правоприменение*. – 2022. – Т. 6. – № 1. – С. 134-149.
- [5] Пересыпкина В.А. Императивные ограничения свободы договора в сфере цифровых услуг: правовой режим «клик-контрактов» // *Наукоград: наука, производство, общество*. – 2025. – № 1. – С. 55-59.
- [6] Родионов Л.А. К вопросу о правовой характеристике цифровых технологий в гражданском праве // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. – 2019. – № 4 (31). – С. 188-190.

[7] Саввин А.О. Свобода договора в Российской Федерации: правовые аспекты и проблемы // *Scientific Cooperation Center «Interactive plus»*. – 2023. – № 9 (85). – С. 1-5.

[8] Талапина Э. Цифровое право и цифровые права в России: полемические заметки // *Правовые вопросы в эпоху цифровых технологий*. – 2021. – № 1. – С. 3-16.

References:

- [1] Boldyrev V.A., Maksimov V.A. Svoboda dogovora: evolyuciya pravovogo principa v epohu informatizacii // *Pravoprimerenie*. – 2025. – T. 9. – № 2. – S. 118-129.
- [2] Varbanova G. Pravovaya priroda smart-kontraktov: dogovor ili programmnyj kod? // *ZHurnal cifrovyyh tekhnologij i prava*. – 2023. – T. 7. – № 4. – S. 1028-1041.
- [3] Volos A.A. Svoboda dogovora i eyo predely v cifrovoj srede // *Vestnik Permskogo universiteta. YUridicheskie nauki*. – 2024. – № 2(64). – S. 254-273.
- [4] Kuznecova S.S. Aktual'nye voprosy realizacii i zashchity prav cheloveka v praktike primeneniya tekhnologii smart-kontrakta // *Pravoprimerenie*. – 2022. – T. 6. – № 1. – S. 134-149.
- [5] Peresypkina V.A. Imperativnye ogranicheniya svobody dogovora v sfere cifrovyyh uslug: pravovoj rezhim «klik-kontraktov» // *Naukograd: nauka, proizvodstvo, obshchestvo*. – 2025. – № 1. – S. 55-59.
- [6] Rodionov L.A. K voprosu o pravovoj harakteristike cifrovyyh tekhnologij v grazhdanskom prave // *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyyh i estestvennyh nauk*. – 2019. – № 4 (31). – S. 188-190.
- [7] Savvin A.O. Svoboda dogovora v Rossijskoj Federacii: pravovye aspekty i problemy // *Scientific Cooperation Center «Interactive plus»*. – 2023. – № 9 (85). – S. 1-5.
- [8] Talapina E. Cifrovoe pravo i cifrovye prava v Rossii: polemicheskie zametki // *Pravovye voprosy v epohu cifrovyyh tekhnologij*. – 2021. – № 1. – S. 3-16.

